

**НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА Б. А. РОМАНОВА,
16 ноября 1957 г.¹**

С докладом «Творческий путь Б. А. Романова» выступил *С. Н. Валк.²*

Доклад «Работы Б. А. Романова по истории русского империализма» сделал *А. Л. Сидоров.*

Друзья и товарищи по работе, ученики Б. А. Романова собрались на это научное заседание для того, чтобы отдать дань уважения памяти этого выдающегося ученого, оценить вклад, который он внес в развитие советской исторической науки.

Б. А. Романов был крупнейшим специалистом с разносторонними интересами, сочетавшим изучение хронологически далеко отстоящих друг от друга областей русской истории — феодальной России и русского империализма. Трудно сказать, в какой области Б. А. Романов сделал больше. Одно несомненно — его вклад в изучение истории России эпохи империализма чрезвычайно велик. Б. А. Романов являлся одним из виднейших специалистов в этой области.

Можно наметить основные линии, по которым развивалось изучение истории империализма в трудах Б. А. Романова: дальневосточная политика России в конце XIX—начале XX в.; дипломатическая история русско-японской войны; некоторые вопросы истории рабочего движения накануне и в период первой русской революции; финансовые связи и отношения царской России с западным империализмом.

Изучение всех этих проблем имело и имеет большое значение для понимания процессов экономического и политического развития России в период перехода от домонополистического капитализма к империализму. Этот период характеризуется широким привлечением в Россию иностранного капитала, на основе которого развивался ряд отраслей промышленности страны и развернулось широкое железнодорожное строительство. После заключения союза с Францией, в известной мере на базе этого политического союза и за счет притока французских капиталов, активизируется политика России на Дальнем Востоке. Царская Россия

¹ 16 ноября 1957 г. состоялось совместное заседание Ленинградского отделения Института истории АН СССР и Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), посвященное памяти Б. А. Романова. Публикуемый текст представляет собой сокращенную стенограмму этого заседания.

² Доклад С. Н. Валка опубликован полностью (см.: С. Н. Валк. Борис Александрович Романов. Истор. записки, т. 62, 1958, стр. 269—282).

включилась в борьбу держав за раздел Китая. Здесь завязывается, таким образом, узел империалистических противоречий. Необходимо было всесторонне изучить силы, толкавшие Россию на этот путь, исследовать роль иностранного капитала в экономическом развитии России, вскрыть связь между деятельностью Министерства финансов и Министерства иностранных дел.

Когда Б. А. Романов приступил к работе над этими темами, наша наука располагала еще незначительным кругом источников. Что же касается исследований, то здесь мы имели преимущественно работы М. Н. Покровского, который, как известно, отрицал империалистический характер русско-японской войны.

В начале 20-х годов появился ряд статей Б. А. Романова, посвященных дальневосточной политике царизма и происхождению русско-японской войны, среди которых особый интерес представляют «Витте и концессия на р. Ялу», «Витте накануне русско-японской войны», «Лихунчангский фонд» и др. Уже в этих статьях им был затронут широкий круг экономических и политических вопросов. В них Б. А. Романов показал эволюцию и методы политики русского царизма на Дальнем Востоке, проследил ход дипломатической борьбы, развернувшейся вокруг железнодорожного строительства в Китае, в частности в связи с постройкой КВЖД. Много внимания в этих первых работах, посвященных дальневосточной теме, Б. А. Романов уделил характеристике такого крупного государственного деятеля периода царствования Николая II, каким был С. Ю. Витте, той роли, которую последний играл в проведении общегосударственной политики России, выходя за пределы своих функций министра финансов.

В этих статьях Б. А. Романов сделал много интересных научных наблюдений, впервые выявив борьбу тенденций в правящих кругах царской России, которые были представлены С. Ю. Витте и В. Н. Ламздорфом, с одной стороны, Николаем II и А. Безобразовым — с другой.

Всестороннее освещение этого вопроса и сейчас представляет важную и интересную задачу, которая может быть решена только при условии привлечения обширного материала, показывающего связь между деятельностью Министерства финансов и проведением внешнеполитического курса, между политикой Витте и общей политической линией русского самодержавия.

Б. А. Романов откликался почти на все появлявшиеся в нашей печати публикации, посвященные дальневосточной политике царизма. Так, например, он отзывался развернутыми рецензиями на выход из печати в 1922 г. первого тома журнала «Красный архив», на опубликование «Дневника» Куропаткина, «Воспоминаний» С. Ю. Витте и др. Он писал свои критические статьи, опираясь не только на материалы рецензируемых публикаций, но и на многочисленные самые различные источники, изученные им.

Б. А. Романов и сам издал много документов, представляющих большой научный интерес. Из его публикаций этого периода наибольшее значение имеют «Конец русско-японской войны», «Портсмут. Переписка С. Ю. Витте и других лиц», «Петербургская крупная буржуазия в январские дни 1905 г.», «Безобразовский кружок летом 1904 г.» и др. В 1925 г. в «Красном архиве» появилась публикация документов, посвященная переговорам о займе 1905—1906 гг. Позднее было найдено много новых документов, относящихся к этой теме, но Б. А. Романов первым в нашей науке осветил финансовое положение царизма в обстановке высшего подъема революции в октябре-декабре 1905 г., когда по всей России строились баррикады, а царское правительство было накануне финансового краха и только финансовая поддержка международной буржуазии дала возможность царизму подавить революционное движение в стране.

Потребовалось несколько лет, скрупулезная разработка отдельных сюжетов большой темы, чтобы в 1928 г. создать обобщающий труд о дальневосточной политике царизма — книгу «Россия в Маньчжурии (1892—1906 гг.)». За эту работу Б. А. Романову была присуждена степень кандидата исторических наук, но такая книга сделала бы честь любому доктору. Прошло 30 лет с момента выхода в свет «России в Маньчжурии», но она не только до сих пор сохраняет большое научное значение, но и будет еще долго служить незаменимым научным и справочным пособием для историков. Эта книга сохранила ценность потому, что она написана в результате изучения огромного количества первоклассного русского и иностранного документального материала, к оценке которого Б. А. Романов подошел, опираясь на ленинскую теорию империализма. В книге впервые приведен ранее не известный большой и убедительный материал, иллюстрирующий указание В. И. Ленина о военно-феодалном характере империалистической политики русского самодержавия в Маньчжурии и Иране. Эта работа была написана на высоком идеологическом уровне. У Б. А. Романова не было предшественников в создании подобного рода исследований, и здесь его учителями являлись только произведения В. И. Ленина и сама жизнь.

Б. А. Романов наметил в этой книге основные этапы внешней политики царской России на Дальнем Востоке, охарактеризовал деятельность Русско-Китайского банка, отношения России с Англией и Германией, вопрос об оккупации Маньчжурии и т. д. Б. А. Романову удалось доказать, что русско-японский конфликт с самого начала принял международный характер, так как без иностранных займов Россия не могла бы вести войну.

«Россия в Маньчжурии» имеет большое значение для изучения всего комплекса международных отношений на Дальнем Востоке, поскольку в ней не только вскрываются корни дальневосточной политики царизма, но и разоблачаются захватнические действия японского империализма в Китае и Корее. В интересах науки было бы полезно выпустить второе издание этой книги.

Еще один шаг в изучении дальневосточной проблемы Б. А. Романов сделал, написав фундаментальный труд — «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», изданный в 1947 г. Эта книга была встречена с большим интересом общественностью и получила высокую оценку специалистов. Второе ее издание (1955 г.) увеличилось в объеме по сравнению с первым вдвое за счет значительного расширения круга вопросов, рассматриваемых автором. Если в первом издании Б. А. Романов дал по преимуществу характеристику политики русского самодержавия, то в новом издании освещены отношения между всеми крупнейшими империалистическими странами в период назревания дальневосточного конфликта, в период самой русско-японской войны и после ее окончания. Для него Б. А. Романов написал главы, посвященные роли США в международных отношениях на рубеже XIX—XX вв. Особенный интерес представляет новый большой раздел о Портсмутской конференции. В этом разделе Б. А. Романов со всеми подробностями проследил повседневный ход конференции, открыв перед читателем закулисную сторону дипломатической борьбы, развернувшейся в Портсмуте, нарисовал живую картину происшедших событий. Книга значительно выиграла от того, что Б. А. Романов включил в нее написанную совсем заново заключительную часть, посвященную политическим итогам войны, доведя тем самым свое исследование до образования Антанты в Европе и на Дальнем Востоке. Таким образом, эта книга — результат многолетнего и всестороннего анализа дальневосточной проблемы — явилась полной дипломатической историей русско-японской войны.

Б. А. Романов много сделал и в области издания исторических источников эпохи империализма. Помимо многочисленных публикаций документов, помещавшихся Б. А. Романовым в исторических журналах, им были

составлены два больших тематических сборника документов: «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г.» и «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» В последние годы жизни Б. А. Романов продолжал работать над подготовкой к опубликованию большого сборника документов о внешних займах царизма с начала 90-х годов до первой мировой войны.

Советские историки благодарны Б. А. Романову не только за труды, которые он оставил, не только за проблематику, которую он выдвинул для научного изучения, но и за приемы и самый метод исследования, за то, что его работы служат примером глубоко научного марксистского анализа актуальных вопросов новейшей истории, за то, что Б. А. Романов строил все свои работы на исследовательской основе, стремясь охватить и действительно охватывая всю совокупность литературы и документальных материалов по каждой теме, за то, что он ввел в научный оборот огромное количество ценных документов, хранящихся в наших архивах.

Труды Б. А. Романова переживут еще многие десятилетия и сослужат огромную службу советской исторической науке в подготовке новых кадров советских историков, помогут ориентироваться в сложных вопросах истории внешней политики России и, вероятно, подтолкнут многих наших молодых исследователей на изучение проблем эпохи империализма.

Доклад «Книга Б. А. Романова „Люди и нравы древней Руси“» сделал *Д. С. Лихачев*.

В этой книге больше, чем где бы то ни было в других работах, запечатлелся Б. А. Романов: его своеобразная манера излагать свои мысли, его подход к историческому материалу, его темперамент ученого и художника. Может быть, именно поэтому «Люди и нравы древней Руси» — одна из самых оригинальных книг в исторической и литературоведческой исследовательской литературе. Книга Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси» необычна прежде всего по подходу к историческому материалу: автор задается целью реконструировать жизнь и исторические типы людей древней Руси с тем, чтобы «дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе». О приемах своей художественной реконструкции жизни XI—XIII вв. Б. А. Романов довольно точно пишет сам в предисловии к книге: автор «взял на себя, как толмач, перевести старинные слова» на язык современного читателя. Он переводит их тут же, на глазах у читателя, демонстрируя в книге и подлинный текст, и его интерпретацию в современных понятиях, современных представлениях (в книге дается, конечно, не языковый перевод, а перевод понятий и представлений). Этот «перевод» сближает древние понятия с современными и одновременно, путем этого сближения, вскрывает их различие. Чтобы приблизить жизнь древней Руси к взору и слуху современного читателя, Б. А. Романов обильно вводит в свой текст вполне современные нам выражения, совмещая их с архаизмами подлинных древнерусских материалов. Эти современные нам выражения возможны в книге только потому, что рядом с ними ставятся выражения XI—XIII вв. В этом необычно остром столкновении модернизмов и архаизмов жизнь древней Руси приближается к современному читателю до почти полной ее осязательности и зримости в отдельных ее проявлениях. Правда, ученых читателей с консервативными литературными вкусами эта своеобразная манера изложения пугала отрицательно к книге Б. А. Романова, но она же создавала ему близких друзей среди тех, кто предпочитал острую постановку вопросов, научную смелость и оригинальность ученому снобизму и скучному научному благоприличию.

В своей книге Б. А. Романов использует хорошо известные источники, но он ставит им такие вопросы, которые этим источникам еще не предлагались. Б. А. Романов использует эти памятники для воспроизведения живых, ярко расцвеченных картин древнерусской жизни. Он изображает погоню за бежавшим холопом, используя для этого Русскую Правду, рисует картины монастырской жизни, используя для этого Киево-Печерский па-

терик, воспроизводит «жизнь человека», идя за этим человеком по следам Кириковых вопрошаний и т. д. Эти «круги жизни» сковываются автором в единую цепь при помощи своеобразно выбранного «гида» — Даниила Заточника.

«Гид» этот выбран на редкость удачно. Это человек, захваченный, согласно концепции Б. А. Романова, процессом классообразования, человек, носимый, как щепка, в бурном потоке жизни XI—XIII вв., «мизантроп», относящийся к современной ему жизни с критикой и с «приглядкой к ее гримасам». Б. А. Романов не выдумал его — он только реконструирован им на основе реального произведения. Б. А. Романов примеривает его к различным ситуациям XII—XIII вв., читает его глазами «Слово о полку Игореве» или расценивает его словами современных ему князей. В конце концов Б. А. Романов настолько объединяет Заточника с его эпохой, что Заточник становится для него неким символом своего времени. Перед нами, конечно, эксперимент, и если говорят, что эксперимент невозможен в исторической науке, то в книге Б. А. Романова это получает живое опровержение.

В результате такого рассмотрения жизни древней Руси, действуя воображением историка, Б. А. Романов воссоздал по крохам зримые и слышимые, почти осязаемые сцены старой русской жизни. И эта открывшаяся нам жизнь оказывается совсем не такой, какой она обычно нам представлялась. Культура древней Руси открылась нам не с ее фасадной стороны, а с внутренней. Книга ввела нас внутрь княжеского двора, внутрь смердьяей келти, внутрь церковного «дома». То, что показал нам здесь Б. А. Романов в современных нам терминах, оказалось гораздо сложнее, чем мы представляли себе, когда глядели на эти дворы с их фасадов. Сложность людских взаимоотношений, пестрота социального состава, сложность процесса классообразования открыли перед нами с новой стороны высоту культуры древней Руси. Из книги Б. А. Романова мы отчетливо увидели и то, что жить в древней Руси было вовсе не так просто и не так легко, что эпоха была жестокой, что нравы были даже не «домостроевскими», но и «додомостроевскими». Иногда Б. А. Романов рисует картины прямо-таки мрачные: конкретно, во всех деталях описана погоня за бежавшим холопом, жестокие дружинные нравы, продажа детей «одерень», нарушения клятв, случаи феодального самоуправства. Эта обрисовка тяжелых сторон жизни древней Руси вызвала больше всего возражений тех лиц, которые примитивно понимали патриотизм историка лишь как долг восхваления и идеализации прошлого своей родины. А между тем разве могли мы сомневаться в том, что наряду со светлыми сторонами жизни в древней Руси были и стороны темные? Разве могли мы забывать, что в непосредственном соседстве с великолепными храмами их творцы ютились в жилищах полуземляночного типа? Признание высокой культуры Киевской Руси отнюдь не требует от нас идеализации ее социальной жизни, которую главным образом и изучает Б. А. Романов, показывая нам жесточайшую эксплуатацию смердов и холопов, их трудное жизненное положение, их бесправие. Б. А. Романов показал высоту древнерусской культуры через сложность социальных отношений того времени, через демонстрацию процесса классообразования, свидетельствующего об определенной стадальной высоте русской культуры, через показ отнюдь не примитивной, а, напротив, сложной умственной жизни того времени, не затуманивая вместе с тем трудностей и горечи древнерусской жизни, не модернизируя ее и не принимая тона барственной к ней снисходительности. Киевская Русь настолько приближена в книге Б. А. Романова к современному читателю, что вызывает в нем сострадание к человеку того времени, до отказа «глотнувшего полынной горечи» жизни, к подневольному холопу или «свободному» смерду. Читатель воспринимает прошлое Руси как свое прошлое, сочувствует и страдает ее людям, и в этом поразительный художественный эффект книги, а вместе с тем — ее подлинный патриотизм.

Главное в содержании книги — это люди, а «правы» в ней лишь фон, на котором эти люди показываются. Часть людских образов реконструируется Б. А. Романовым почти шахматовскими приемами из нелитературных источников — из Русской Правды, из Кириковых вопрошаний, из Митрополитчьего правосудия.

Сопоставляя «Моления» Даниила Заточника и статьи Русской Правды, Б. А. Романов устранил гипотезу о Данииле как о белом княжеском холоне и сомнения в том, что первая редакция «Моления» действительно старше второй.

Он последовательно реконструирует жизнь феодальной «челиди», обрисовывает бытовое положение холопов в рамках феодального общества, показывает те типично феодальные каналы, по которым шло пополнение рабочей силы в хозяйство феодала, стремление законодательства удержать эту рабочую силу в хозяйстве. В основном автор исходит здесь из представления о феодальной общественной формации, вскрывая лишь бытовую обстановку XII—XIII вв. Для автора, как и для Б. Д. Грекова, основой феодального хозяйства остается втягиваемый в него всяческими путями и способами смерд.

Б. А. Романов рисует жизнь «свободного смерда» как основной человеческой фигуры не только хозяйства феодала, но и всей «киевской государственности», рисует бытовую обстановку жизни смердов, тонко вскрывает различное отношение к смердам в среде этого господствующего класса, начиная от полнейшего презрения к смерду и приравнивания его к животному и кончая «смердолюбием» Мономаха.

Б. А. Романов обращается и к хозяевам вотчинного двора, светским феодалам, князьям. Здесь центральная и наиболее импозантная фигура — Владимир Мономах, раскрытая Б. А. Романовым совершенно по-новому. В отличие от своих предшественников, рассматривавших Мономаха в ряду князей XI—начала XIII в. и создавших «величественный» и несколько абстрактный образ этого князя, Б. А. Романов показывает Мономаха как представителя своего времени — времени феодальной раздробленности. Б. А. Романов раскрывает биографию Мономаха не как нечто уникальное, а как среднюю, типическую, плотно включенную в княжеский быт своего времени. Мономах в интерпретации Б. А. Романова отнюдь не более мелкая историческая фигура, чем у его предшественников, но фигура эта уже не идеализирована, не вознесена над эпохой, а плотно к ней пригнана, объяснена ею и введена в историческую перспективу.

Б. А. Романов рисует, кроме того, еще один тип крупных феодалов — «князей» церкви, а затем возвращает нас в той же церковной сфере к низам общества — к мелким представителям клира.

Наконец, в своей книге Б. А. Романов показывает «жизнь всякого человека» древней Руси, поскольку этого всякого человека захватывали одни и те же стороны цепного церковного быта. Здесь перед читателем проходят роды, крестины, рост ребенка, его половое воспитание, примеры родительской власти над ним, вопросы, связанные с браком, семейным бытом, разводом, побочной семьей и, наконец, вопросы, возникающие в обстановке преддверия смерти — составление завещания, последствия смерти главы семьи для ближайших ее членов.

Ни один историк и литературовед, занимающийся памятниками Киевской Руси, не сможет пройти мимо оригинальной и глубоко талантливой книги Б. А. Романова — книги, подвергшей правовые и литературные памятники древней Руси требовательному анализу историка, увидевшего в них не только литературное отражение действительности, но частично и самую эту действительность.

Доклад «Б. А. Романов как исследователь социальных отношений в древней Руси» сделал *В. И. Бернадский*.

Социальные отношения древней Руси — это тема, которой занимал свой научный путь Б. А. Романов и которой он занимался на протяжении всей жизни. Работы Б. А. Романова в этой области представляют чрезвычай-

чайню большой интерес. Ему принадлежит, например, блестящий анализ «Устава о закунах» и «Устава о холопах», а также исследование положения смердов.

Б. А. Романов отнюдь не отвергал феодальную природу общественного строя Киевской Руси, как пытались утверждать некоторые из его критиков. Наоборот, и проблему закрепощения древнерусского смерда, и проблему холопства он рассматривал под углом зрения развития в Киевской Руси именно феодальных отношений. Другое дело, что Б. А. Романов (и в этом его большая научная заслуга) выявил близость в бытовом положении феодально-зависимых людей и рабов (что явилось отражением пережитков рабовладельческой психологии и чрезвычайно характерно для рассматриваемого периода), а также детально исследовал проблему перехода от свободного к несвободному состоянию в феодальном обществе.

В. Н. Бернадский отмечает как выдающиеся явления советской историографии работы Б. А. Романова «Комментарии к Русской правде», «Комментарии к Судебнику 1550 г.», а также книгу «Люди и нравы древней Руси», в оценке которой он присоединяется к мнению Д. С. Лихачева.

Б. А. Романову как историку был присущ ряд замечательных качеств. В своих работах он всегда шел от источника, его интерпретации, его исследования. Б. А. Романов умел заставить заговорить мертвый источник. Он обладал богатейшим историческим воображением, что позволяло ему представить себе психику людей прошлого. В его подходе к источнику никогда не было модернизации или субъективизма. Работы Б. А. Романова отличаются строгостью и отточенностью мысли. Именно поэтому ему удавалось восстановить живую жизнь со всеми ее противоречиями и неуловимыми переходами. Подлинная сила Б. А. Романова как историка — в неугасимом огне ищущей мысли, в неутомимой жажде истины.

С сообщением «Б. А. Романов и археологи» выступила М. А. Тиханова.

С археологией Б. А. Романов соприкасался еще в студенческие годы на занятиях А. А. Спицына и на лекциях своего учителя А. Е. Преснякова, придававшего большое значение памятникам материальной культуры при изучении древнейшего периода истории СССР. Но непосредственное творческое сотрудничество с археологами началось у Б. А. Романова после 1934 г., когда он участвовал (в качестве рецензента и участника коллективных трудов по истории культуры древней Руси) в работе ГАИМК. Именно к этому периоду относится, например, его развернутая рецензия на подготовившийся тогда в Институте феодального общества сборник «Древняя Русь», оказавшая значительную помощь его авторам в разработке ряда проблем социально-экономической истории, а также истории культуры древней Руси.

Весной 1936 г. Б. А. Романов написал (по заказу ГАИМК) большой критический отзыв (более 8 печ. л.) «К вопросу о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского)». В отзыве, написанном не только в критическом, но и в известной мере в исследовательском плане, Б. А. Романов поднял ряд кардинальных вопросов социальной истории Руси феодального периода и тщательно образом разобрал методику работы указанных авторов как над письменными, так и над археологическими источниками и материалами.

Особенно укрепились связи Б. А. Романова с археологами в конце 30-х годов, когда он принимал активное участие в обсуждении «Истории культуры древней Руси». Тогда же Б. А. Романов взялся написать для этого издания главу «Люди и нравы древней Руси XI—XIII веков», которая, правда, не вошла в его состав, а вышла отдельной книгой уже после войны. Им также были написаны три первых параграфа к главе «Деньги и денежное обращение древней Руси». В своих критических замечаниях по отдельным главам и частям «Истории культуры древней Руси» Б. А. Романов всегда настаивал на необходимости при решении истори-

ческих вопросов сочетать исследования вещественных памятников с анализом письменных источников. Творческие дискуссии в среде археологов, в которых участвовал Б. А. Романов, послужили той научной атмосферой, в которой в известной мере создавались как книга «Люди и нравы древней Руси», так и комментарии к Правде Русской.

П. Е. Посов сделал доклад «Б. А. Романов как педагог».

Б. А. Романов был не только выдающимся исследователем, историком исключительно широкого и глубокого образования и разносторонних научных интересов, но и замечательным педагогом.

Ученики, товарищи, все те, кто в той или иной мере были знакомы с Б. А., помнят, с какой любовью и вниманием относился он к молодежи, стремясь передать ей свои большие и разносторонние знания. И вот сейчас, на нашем заседании, посвященном памяти Б. А., хотелось бы вспомнить некоторые из тех принципов, которые лежали в основе его педагогической деятельности.

В первую очередь следует остановиться на семинарах Б. А. по Русской Правде, которые он в течение ряда лет вел на первом курсе исторического факультета Ленинградского государственного университета. На этих семинарах состоялось и мое первое знакомство, как и многих здесь присутствующих, с Б. А.

Семинары по Русской Правде, проводимые Б. А., были настолько своеобразны, что заслуживают специальной характеристики. Основной целью, которую преследовал на своих семинарах Б. А., было не столько изучение собственно Русской Правды как законодательного памятника, сколько обучение студентов (в большинстве своем только что пришедших в университет из средней школы) навыкам работы над источником, умению читать источник глазами историка, проникать через его «призму», как любил говорить Б. А., в подлинную жизнь изучаемой эпохи. Достигалось это путем упорной и тщательной (продуманной до мельчайших деталей) работы со своими учениками. Б. А. стремился создать на семинарах атмосферу полного творческого равенства между ним как руководителем и нами как участниками семинара. Только при этом условии, считал Б. А., семинар может стать подлинной «творческой лабораторией». В этих целях Б. А., приступая к работе над Русской Правдой, стремился изолировать участников семинара от существующего историографического окружения и поставить их перед необходимостью самим, без ссылки на какие-либо установившиеся точки зрения, разобраться и дать толкование той или иной статьи Русской Правды. Естественно, что поставленный один на один с таким сложным источником, как Русская Правда, каждый из нас, участников семинара, чувствовал себя в известном смысле в положении неумеющего плавать человека, брошенного в воду и лишённого средств к спасению, кроме надежды на свои собственные силы. Обычно человек в таких случаях начинает барахтаться. То же самое происходило и с нами. Но наши попытки разобраться в тексте источника, первоначально весьма беспомощные и наивные, шли отнюдь не самотеком, как это нам казалось. Умелой постановкой вопросов Б. А., незаметно для нас, управлял ходом нашего мышления, постепенно все усложняя и усложняя стоящие перед нами задачи.

По времени, например, только разбор первой статьи Русской Правды занял 4 семинарских занятия, наши суждения и мысли приобретали все большую чёткость, а наше восприятие анализируемого текста все большую и большую остроту. Те смысловые, логические и текстологические мелочи, на которые мы раньше не обращали внимания, а иногда и вообще не замечали, приобретали теперь для нас большую научную значимость, поскольку мы на собственном опыте видели, как из того или иного толкования именно этих «мелочей» вырастали нередко диаметрально противоположные трактовки крупных исторических явлений.

Но бывали случаи, когда в разборе той или иной статьи мы заходили в тупик. Смысл и направленность статьи явно ускользали от нас. В та-

ких случаях Б. А. нередко прибегал к следующему приему. Он предлагал одному из участников семинара быть, например, истцом, другому — ответчиком, третьему — судьей, четвертому — свидетелем и т. д. Получалось своеобразное разыгрывание содержания статьи по ролям. Действующие лица ставились Б. А. в самые различные, типичные для той эпохи положения, из которых они и должны были выгугаться тоже средствами того времени. В результате подобного обыгрывания статей Б. А. обычно удавалось добиться от участников семинара не только правильного их понимания, но и увидеть за, казалось бы, мертвыми юридическими формулами живых людей древней Руси: одних — учреждающих законы, других — их проводящих, третьих — их нарушающих или обходящих. И все это не в форме абстрактных исторических категорий, а в форме конкретных (типичных для своей эпохи) исторических образов.

Особое внимание уделял Б. А. выяснению классовых и групповых (социальных и политических) противоречий и борьбы, скрываемых за внешне, казалось бы, литыми законодательными формулами Русской Правды.

Завершался годовой семинар, по плану Бориса Александровича, поручением каждому из его участников написать небольшой специальный доклад, основой которого должны были служить всего-навсего одна или две статьи Русской Правды. Но на этот раз Б. А. уже рекомендовал нам ознакомиться с литературой не только по своей теме, но и вообще по Русской Правде в целом. И вот, знакомясь с литературой, мы неожиданно убеждались, что проделанная нами в течение года работа по постатейному текстологическому изучению Русской Правды, по существу, является своеобразным отражением общего пути историографического осмысления Русской Правды в «большой науке». Это, естественно, весьма возвышало нас в своих глазах, ведь мы тогда еще далеко не осознавали, что весь пройденный нами путь — лишь выполнение учебного замысла, продуманного и разработанного до мельчайших деталей Борисом Александровичем.

Но основной положительный результат подобного «учения истории» был налицо: каждый из участников семинара теперь уже на собственном опыте убеждался, что изучение исторического факта по первоисточникам, как и изучение самого первоисточника, — основа исторической науки.

Говоря словами Бориса Александровича, он ввел нас в историческую науку не с «парадного крыльца, а с черного хода», показывая нам «не столовую, а кухню исторической науки». Да и вообще не без иронии говорил Борис Александрович, какие же из вас будут «ученые мужи», если вы «не заглянете под юбку истории».

Указанные педагогические приемы находили свое проявление и в спецсеминарах по истории СССР периода феодализма, проводимых Б. А. со студентами старших курсов исторического факультета, в частности в его семинарах по вопросам источниковедения XIV—XVI вв. Основными предметами изучения в этих семинарах были духовные и договорные грамоты московских великих князей, Судебник 1550 г., а также публицистические произведения XVI в., как сочинения И. С. Пересветова, Ермолая Еразма, Андрея Курбского, переписка Ивана Грозного с Курбским. Как и в семинарах по Русской Правде, на своих занятиях по XIV—XVI вв. Борис Александрович стремился прежде всего привить своим ученикам навыки работы над источником, умение не только прочесть источник глазами историка, но и увидеть за ним живую жизнь изучаемой эпохи. Он призывал не бояться, говоря его словами, «любой интеллектуально черновой работы», так как именно она составляет основу всякого подлинного исторического исследования.

Чутко и внимательно относился Борис Александрович к любому новому наблюдению над источником, к любой свежей мысли. Он был решительным противником всякого упрощенчества и догматизации, в какой бы форме они ни проявлялись. В то же время он никогда не использовал своего научного авторитета для навязывания нам своей точки зре-

нии, наоборот, он принимал все меры, чтобы обеспечить полную творческую свободу участников семинара.

Большое внимание уделял Борис Александрович обучению своих учеников и технике исторического (монографического) исследования. Например, на семинаре было проведено специальное обсуждение монографии П. А. Садикова «Очерки по истории опричнины», причем основное внимание было обращено на метод работы автора не только над источником, но и над конструированием самого исследования. В этом же плане подвергли рассмотрению книга С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» и ряд других.

Борис Александрович всегда резко отрицательно относился к стремлению тех или иных авторов подменить подлинное изучение исторических явлений социологической схемой, но он всегда крайне чутко реагировал на каждое новое явление в области «теории истории», казалось бы, далеко выходящее за рамки его непосредственных исследовательских интересов. В этом отношении весьма показательное проведенное им на семинаре по XVI в. обсуждение в 1949 г. известного труда А. В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность», а именно первых разделов этого исследования, посвященных теории разделенной феодальной собственности.

Особо следует отметить обсуждение на семинаре, а также на кружке по истории СССР весьма интересного и оригинального по замыслу исследования Д. Н. Альшица «Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени», которое привлекло к себе внимание не только специалистов по истории СССР. И на этот раз основным предметом обсуждения были вопросы источниковедческого характера — приемы работы автора над летописью, в данном случае над лицевым сводом.

Но сперва несколько слов о, как бы сказать, предыстории этого необычного заседания. Дело в том, что еще во время занятий самого Бориса Александровича в семинарии С. Ф. Платонова последний предложил ему подготовить доклад об указанных приписках к лицевому своду. С. Ф. Платонов предполагал, что эти приписки, всего вероятнее, дело рук самого царя и сделаны во время опричнины, в ее оправдание. Б. А. Романов, как он рассказал участникам заседания уже после дискуссии, увлекся этой темой, много работал в архиве над самими рукописями и пришел к выводу, что автором приписок является не Иван Грозный, а, всего вероятнее, дьяк Иван Висковатый — глава царского дипломатического ведомства. Об этом он и сделал доклад в семинарии. Но доклад Бориса Александровича не убедил С. Ф. Платонова.

И вот теперь (более чем через 40 лет), задумав обсудить на историческом кружке работу Д. Н. Альшица, который пришел к таким же выводам, как С. Ф. Платонов (и это тем более интересно, что ни об аргументации последнего, ни тем более о «неудачном» студенческом докладе Бориса Александровича он ничего не знал), Борис Александрович как бы ставил на новую перепроверку среди «молодых, „не испорченных наукой“, умов», как любил он шутить, эту старую и отнюдь не «простую» дискуссию. Ведь от того или иного ответа на происхождение указанных приписок, касающихся так называемого «боярского мятежа» 1553 г., могло резко измениться и отношение большой науки к вопросу об объективных причинах опричнины. Дискуссия по работе Д. Н. Альшица была бурной, страстной и ожесточенной. И не только студенты присутствовали на ней, на этот раз на заседании кружка можно было увидеть многих маститых профессоров университета, и не только специалистов по русскому феодализму. К согласию не пришли. И это тоже входило в «учебные замыслы» Бориса Александровича, который с самого начала запланировал два доклада о работе Д. Н. Альшица — «за» и «против». Сам же Д. Н. Альшиц, отвечая молодым горячим оппонентам, признал, что даже на защите его работы в ЛОИИ она не подвергалась столь широкому и интересному рассмотрению, как на этом заседании. Еще более

пользы принесло это заседание самым его молодым участникам, которые впервые почувствовали себя брошенными Борисом Александровичем в самостоятельное «единоборство» с большой наукой, да еще оказавшимися в столь необычной историографической ситуации.

Большое место в педагогической деятельности Бориса Александровича занимали его спецкурсы и спецсеминары по истории внешней политики царизма конца XIX—начала XX вв. Вопросы источниковедческие и в этих занятиях играли первостепенную роль. Борис Александрович считал, что перед тем, как приступить к исследовательской работе по новой и новейшей истории, надо пройти хорошую источниковедческую школу в области изучения древнейших периодов истории. Так же, как хирург, со свойственной ему образностью говорил Борис Александрович, перед тем, как приступить к операциям над живыми людьми, длительное время практикуется на трупах, так и мы, историки, должны сперва научиться работать при помощи не только ножа, но лупы и пинцета над древними, умершими формациями, перед тем как перейти к работе над новой историей, отнюдь не более легкой, как иногда предполагает молодежь, а значительно более сложной и трудной для изучения и осмысления.

Весьма своеобразно относился Борис Александрович и к выбору тематики курсовых работ и докладов по истории СССР периода империализма. Он сознательно давал участникам своих семинаров такие темы, которые, хотя и были весьма значительны по своей проблематике, но имели ограниченную и очень невыигрышную для обработки источниковедческую базу. Нередко участники семинара пытались протестовать против таких тем, но Борис Александрович всегда отвечал, «что невелики заслуги приготовить обед из хороших продуктов, это почти каждый может, этому и учиться не надо, а вот попробуйте приготовить его из плохих продуктов. Вот именно этому и надо поучиться». И надо сказать, что результаты подобного рода обучения были обычно весьма положительны.

Большая работа была проделана Борисом Александровичем и в деле организации работы студенческого научного кружка при кафедре истории СССР, руководителем которого он был с 1948 по 1951 г. В кружке ставились доклады по всем периодам истории СССР. В обсуждениях же докладов участвовали не только студенты, но и члены кафедр факультета, а также историки других научных учреждений Ленинграда. Заседания затягивались иногда до позднего вечера (об одном таком заседании, посвященном Ивану Грозному, мы уже говорили). И можно было только поражаться, как Борис Александрович, несмотря на плохое здоровье, выдерживал подобные бурные дискуссии.

Но педагогическая деятельность Бориса Александровича далеко не исчерпывалась его работой в стенах Ленинградского университета. Борис Александрович всегда с предельной чуткостью и вниманием относился к работе аспирантов и своих младших товарищей по институту, радовался их успехам, помогал в преодолении трудностей. По любому вопросу каждый из нас, молодых сотрудников института, имел возможность в любое время обратиться к Борису Александровичу. «Для мепл вы, молодежь, — говорил Борис Александрович, — это тот кислород, без которого я не могу ни творчески работать, ни жить».

Безвременная кончина Бориса Александровича — тяжелая утрата для советской исторической науки, но она по праву может гордиться тем научным наследством, которое оставил Борис Александрович. А мы, ученики и товарищи Бориса Александровича, — тем, что учились и будем учиться у него.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие (И. Е. Носов)	3
С. Н. Валк. Борис Александрович Романов	8
Д. С. Лихачев. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник . . .	39
В. В. Мавродин. О племенных княжениях восточных славян	44
А. А. Зимин. Смерды в законодательстве Владимира Мономаха	56
Л. В. Черепнин. К вопросу о «Послании» Даниила Заточника	69
Н. А. Казакова. Ранние русско-нидерландские торговые контакты	81
Я. С. Лурье. К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг.	89
А. Л. Шапиро. О «пожилом» Судебников 1497 и 1550 гг.	96
Ю. Г. Алексеев. Пятнадцатирублевый максимум по служилой кабале, служба с земли и феодальная рента	110
Н. Н. Масленникова. Помещики и крестьяне Порховского уезда Шелонской пятины к 40-м годам XVI в.	118
С. О. Шмидт. Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курб- ский)	129
А. И. Копанев. Новгородские таможенные целовальники 70— 80-х годов XVI в.	142
Н. Е. Носов. Русский город и русское купечество в XVI столетии. (К постановке вопроса)	152
В. И. Рутенбург. У истоков политических связей России и Италии	178
Р. Г. Скрынников. Борис Годунов и царевич Дмитрий	182
В. М. Панеях. Добровольное холопство в законодательстве XVI— XVII вв. (1550—1649 гг.)	198
Е. П. Кушева. О плене как источнике холопства во второй по- ловине XVII в.	217
А. Г. Маньков. К истории реформы посадского управления 1699 г.	232
А. Н. Цамутали. Социально-политическая история Киевской Руси в освещении М. Д. Затыркевича	247

И. П. Полетика. Пруссия и Крымская война	255
И. М. Дружинин. Главный комитет об устройстве сельского состояния	269
Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и вопрос о служебных преиму- ществах дворянства в конце XIX в.	287
Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг.	299
Л. М. Иванов. К вопросу о страховании рабочих в России	327
А. А. Фурсенко. Можно ли считать компанию Нобеля русским концерном?	352
У. А. Шустер. Петербургские рабочие и лодзинский локаут 1907 г.	362
Л. Е. Щепелев. Акционерное законодательство Временного пра- вительства	369
Список трудов Б. А. Романова	382
Научное заседание, посвященное памяти доктора исторических наук профессора Б. А. Романова, 16 ноября 1957 г.	387